

УДК 82-94

Шмелёва А.В.

Московский государственный областной университет

**ЛИЦЕЙ И ЛИЦЕИСТЫ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ
В ТРУДАХ Я. К. ГРОТА
(К 200-летию со дня рождения выдающегося русского учёного)**

A. Shmeleva

Moscow State Regional University

**THE LYCEUM AND LYCEUM STUDENTS OF PUSHKIN'S TIME
IN Y. GROT'S WORKS**

The 200th anniversary of the outstanding Russian academic

Аннотация. В 2012 году исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского учёного-лексикографа Я.К. Грота. В историю литературной науки он вошёл как автор фундаментальных исследований о М.В. Ломоносове, Г.Р. Державине, В.А. Жуковском, И.А. Крылове и др. Преподавательская деятельность Грота была связана в 1841-1852 гг. с Гельсингфорским университетом, где он был профессором русской литературы, истории и статистики, вторая половина жизни посвящена «пушкинскому» Лицею. Грот – один из первых авторитетных авторов об истории Лицея и его выпускниках – стал издавать документы и рукописи, относящиеся к пушкинскому времени. Грот опубликовал любопытные материалы о А.С. Пушкине, А.А. Дельвиге, М.А. Корфе, Ф.Ф. Матюшкине, А.Д. Илличевском, И.В. Малиновском, В.Д. Вольховском и др. Его торжественные актовые речи, произнесённые при выпуске воспитанников, отражают историю Лицея, его значение в культуре и просвещении российском, полны воспоминаний о пушкинском времени, проникнуты пафосом отчизнолюбия и гражданской ответственности.

Ключевые слова: Лицей, Пушкин и пушкинская эпоха, старина, традиции, наследие, образование, воспитание, просвещение, историзм, честь, достоинство, благородство, служение.

Abstract. 2012 is the year of the 200th anniversary of the outstanding Russian academic and lexicographer Yakov Grot. In the history of literary science he is known as the author of fundamental study of M. Lomonosov, G. Derzhavin, V. Zhukovsky, I. Krylov. The teaching activity was associated from 1841 to 1852 with the University of Helsinki, where he was a professor of Russian literature, history and statistics. The second half of his life was dedicated to «Pushkin's» lyceum. Y. Grot, one of the first authoritative writers on the history of the Lyceum and its graduates, began to publish documents and manuscripts related to Pushkin's time. Grot published some interesting materials about A. Pushkin, A. Delvig, M. Korf, F. Matyushkin, A. Illichevskiy, I. Malinovsky, V. Volhovskiy and others. His solemn speeches during the students' graduation reflects the history of the Lyceum, his value in culture and Russian enlightenment are full of memories of Pushkin's time and spirit of love to the native land and civil liability.

Key words: Lyceum, Pushkin, Pushkin's era, past, tradition, heritage, education, upbringing, enlightenment, history, honour, dignity, service.

© А. В. Шмелева, 2013.

* Доклад подготовлен для выступления на Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Я.К. Грота. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 27-29 ноября 2012 г.

... Высокие понятия благородства и чести нашей
соединились с именем Лицея
(Я.К. Грот)

Выдающийся учёный, академик Яков Карлович Грот, был связан с Императорским Лицеем всю жизнь: сначала в качестве воспитанника лицейского пансиона, затем лицеиста, а впоследствии – профессора словесности. В 1864 г. в приветственной речи лицейским воспитанникам Я.К. Грот назвал Царскосельский Лицей «лучшим общественным заведением» в России и до конца своих дней преданно хранил его традиции.

Грот получил блестящее образование: в 1823-1826 гг. он обучается в «Благородном пансионе Императорского Царскосельского Лицея» [5], по его окончании, в том же году, как лучший воспитанник, Грот был переведён в Лицей. Через двадцать лет после своего выпуска, в 1825-м, Грот вновь перешагнет порог родного Лицея, уже в качестве профессора словесности. С 1843 года Царскосельский Лицей располагался в Петербурге, по указанию императора Николая I переименованный в Императорский Александровский Лицей.

Будучи лицеистом, Грот застал преподавателей пушкинского времени: учителя математики и физики Я.И. Карцова, учителя чистописания Ф.П. Калинича, профессора словесности Н.Ф. Кошанского. Лицеисты разных поколений увлечённо занимались творчеством благодаря Кошанскому. Кошанский всегда гордился своим первым выпуском. По свидетельству Грота, Кошанский знакомил лицеистов с творчеством Пушкина, и лицеисты «с жадностью читали „Евгений Онегин” и „Полтаву”», хотя, как замечает Грот в статье «Пушкин в Царскосельском Лицее», «старая официальная педагогика не включила» творчество Пушкина в учебные издания, он был «запрещённый плод» [2; с.3]. В «Автобиографических заметках» (1852-1880) Грот признаётся: «...мы поступили в Лицей только через девять лет после выпуска Пушкина и Дельвига: предание о них и их товарищах было так ещё свежо и не могло не иметь

большого влияния на всё наше умственное развитие; любовь к поэзии и попытки в стихотворстве сделались между нами тем более общими, что первый наш профессор по русской литературе – Кошанский – поощрял это направление» [3, т. 5, с. 5-6].

Кошанский преподавал в Лицее с 1811 по 1828 годы. В Лицей он был переведён из Московского университета, где был профессором русской и латинской словесности. Кошанский принёс в стены Лицея университетские литературные традиции, в частности, традиции университетского пансиона. В пансионе царила любовь к словесности, к поэзии, там существовал литературный кружок «Собрание воспитанников университетского благородного пансиона», участники которого издавали рукописные книги – журналы «Распускающийся цветок», «Каллиопа», «Ипокрена», «Детский театр», «Физические и нравственные разговоры», «Приятное и полезное препровождение времени», «Утренняя Заря». Активную литературную деятельность вели кн. В.Ф. Одоевский, кн. П.А. Вяземский, В.А. Жуковский.

Кошанский увлёк первых воспитанников Лицея занятиями поэзией. Известно, Кошанский в самый первый год существования Лицея, судя по воспоминаниям И.И. Пущина, «окончив лекцию несколько раньше урочного часа», обратился к лицеистам: «Теперь, господи, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами» [7, с. 72]. Пушкин восхитил всех мгновенной импровизацией «Роза» («Где наша роза...»). Уметь слагать стихи считалось признаком хорошего образования. И в некоторых учебных заведениях это весьма поощрялось. Так, А.Д. Илличевский, переведённый в Лицей из Первой петербургской гимназии, уже имел опыт в поэзии и прозе и, как пишет о нём Грот в статье «Царскосельский Лицей», «мечтал о лаврах поэта» [2, с. 56].

Благодаря Кошанскому в Лицее закрепились традиции издавать рукописные журналы и сборники («Лицейский Мудрец», «Жертва Мому», «Стихотворения воспитанников Императорского Лицея», «Лицейская антология, собранная трудами пресловутого “ийший”» и др.). Первенцы Лицея активно включились в новую для них творческую деятельность, при этом Кошанский наставлял своих учеников: «Должно любить труд... Где нет любви, там нет успеха» [4]. Впоследствии Грот сделал лицейские журналы первых воспитанников достоянием российской культуры. Сам Грот в бытность свою лицеистом участвовал в составлении журналов и отвечал за «Лицейский Вестник» и «Муравей», в одном из них была помещена трагикомедия «Мидас». При этом Грот издаваемые им журналы высоко не ценил, они были важным занятием лишь для «упражнения в изложении мыслей».

В «Автобиографических заметках» (1852-1880) Грот признает: «Мы все тянулись за Пушкиным, и хоть ни один из нас даже не приблизился к нему, но рано выработали себе правильный язык и ещё на школьной скамье делали литераторами» [3, т. 5, с. 6]. Пушкин в записке «О народном воспитании», датированной им 15 ноября 1826 г., убеждённо писал: «Во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже печатают свои сочинения в светских журналах. Всё это отвлекает от учения, приучает детей к мелочным успехам и ограничивает идеи, уже и без того слишком у нас ограниченные» [6, XI, с. 46]. Однако для лицеистов это не было праздным развлечением – это было продолжением лицейских традиций. В своей «Речи при выпуске XXI-го курса Императорского Александровского Лицея», который состоялся в 1856 г., Грот обратился к выпускникам: «Дорожите всегда прекраснейшим искусством, которое некогда процветало в Лицее и до сих пор в нём ценится. Не к творчеству в поэзии приглашаю вас – и мысль о нём должна быть далеко от непризванных; – но пусть поэты всех веков и народов, а особенно от-

ечественные поэты продолжают воспитывать ваше эстетическое чувство, согревают ваши души, доставляют вам отраду и утешение в заботах, огорчениях и разочарованиях жизни. Вообще русской литературе законно принадлежит преимущественное право на ваши досуги» [3, т. 5, с. 213].

Во время обучения Грота Пушкин посетил Лицей дважды. В 1828 г. Грот был «поражён самым явлением», тогда он завладел случайно оторвавшейся на лестнице у Пушкина деталью одежды и как драгоценность «долго хранил» потом. В 1831 г. Грот видел Пушкина с «молодою и прекрасною женою», гуляющих по аллеям Царского Села. Однажды он столкнулся с Пушкиным в книжном магазине Диксона, подойти же и представиться Грот не смог – «но не стало у меня духа». Позже встречался на даче у барона М.А. Корфа. Были и другие встречи, но для Грота не столь значительные, как первые три. Грот испытывал «настоящее благоговение» перед Пушкиным, ему «казалось совестным и не завидным попасть в этот круг без всяких прав на внимание», прежде хотелось издать что-нибудь достойное. Пушкина Грот почитал всю жизнь.

В своей статье «Пушкин в Царскосельском Лицее» Грот отмечает: «Память Пушкина дорога для каждого русского, но она вдвойне дорога для питомца Лицея»; «В числе духовных благ, завещанных старым Лицеем новому, едва ли не всех драгоценнее блистающее на скрижалях их бессмертное имя питомца, возвеличившего своими созданиями русского слова, обогатившего достояние своего народа нетленными» [2, с. 1]. Центральное место в истории Лицея в трудах Грота занимает Пушкин. Его личности, литературным и публицистическим сочинениям, историческим трудам и творческим общениям Грот всецело посвящает своё время. В день 50-летия Лицея – 19 октября 1861 года – Грот обратился к поэту: «Благослови ж» – «твой Лицей родимый / И старый вместе и молодой. / Благослови, чтоб цвёл он сенью / Живой науки и труда», дабы – «и обновлённому столетию плоды сторицей принесла».

Не только память о первых лицеистах дорога Гроту, он высоко ценит и личное общение с некоторыми из них. Будучи лицеистом, Грот опубликовал перевод статьи своего профессора И.А. Тиллу («Курс французской литературы Ферри де Пиньи» в «Литературной Газете» барона А.А. Дельвига (1830. Т. I. №29). «Литературная Газета», по признанию уже академика Грота, особенно волновала лицеистов, так как её издателем был «предок наш по Лицею». А в 1838 г., уже по выпуске из Лицея, Грот в течение десятилетия будет публиковаться в журнале «Современник», прославленный именем Пушкина, а в ту пору издаваемый П.А. Плетнёвым, близким знакомым Пушкина. В издательстве у Плетнёва Грот познакомится с «побеждённым учителем» Пушкина – В.А. Жуковским, сыгравшем не последнюю роль и в судьбе Грота.

Долгое десятилетнее сотрудничество Грота с журналом «Современник» начнётся с переводной поэмы Дж. Байрона «Мазепа», выполненной в 1837 г. и опубликованной Плетнёвым через год. «Замолкли громы под Полтавой / Обманут счастьем пылкий швед...» – так начиналась гротовская поэма, словно развивая пушкинский сюжет. Поэму «Полтава» (1828-1829) Пушкин предварил эпиграфом из «Байрона»: «Мощь и слава войны / Как и люди, их суетные поклонники, / Перешли на сторону торжествующего царя» [6, т. V, с. 16]. И вслед за великим современником отдавая дань решительному сражению в Северной войне – Полтавской битве, пришедшейся на 27 июня 1709 г., Грот вкладывает свою лепту в поэтизацию великого события. Это, разумеется, не было соперничеством с Пушкиным, но обращением поэта к своим современникам о значении исторического события в судьбе России. Гротовский перевод выполнен через 130 лет после сражения и через 10 лет после пушкинской «Полтавы».

В 1876 г. в «Русской Старине» Грот помещает свои воспоминания о бароне М.А. Корфе. В этот год Корфа не стало. Корф был сокурсником Пушкина. Судьба свела Грота с

Корфом, по его признанию, «совершенно неожиданно». В 1832 г., начав службу в Комитете министров (при графе В.П. Кочубее), Грот попадает под начальство Корфа, и когда Корфа спустя два года переводят государственным секретарем в канцелярию Государственного совета, он переводит с собой и Грота. И лишь «неодолимое желание вполне посвятить себя учёно-литературной деятельности» [8, с. 423] заставляет Грота после восьми лет службы оставить её. Корф с пониманием отнёсся к жизненному выбору Грота.

Грот обосновывает цель публикации своих воспоминаний о Корфе: «Сведения о главных обстоятельствах жизни таких людей составляют общее достояние» [8, с. 422]. Грот выделяет в личности Корфа прежде всего человеческие качества: гостеприимство, доброту, чуткость, внимание к каждому. Корф, в глазах Грота, редкий образец семьянина; от родительского дома Корф унаследовал патриархальный быт и благочестие; Грот отдаёт должное почтение его матери, Ольге Сергеевне (урожд. Смирновой), которая привила сыну добрые чувства. Грот не случайно уделял внимание столь трогательной материнской теме – перед его глазами всегда был образ его матери – Каролины Ивановны, искренно полюбившей Россию и научившей этой любви своих детей. Завет, оставленный Гротом лицейским воспитанникам «Служить по совести Царю и Отечеству» [3, т. 5, с. 216] восходит к родительскому слову. Вспоминая свои лицейские годы, Грот признаётся: «В первые годы моего пребывания в Лицее я, хотя по религии и протестант, по духу и языку был более русский, нежели немец; в старшем курсе я, не переставая признавать Россию своим отечеством, научился, однако ж, ценить своё германское происхождение в отношении к языку и науке. Но вместе с некоторыми из моих товарищей живо уже сочувствовал современной русской литературе» [1, с. 199].

Грот высоко ценит Корфа как начальника, справедливого, порядочного, умного. Государственные заслуги Корфа Грот не затраги-

вайт – они, по его глубокому убеждению, очевидны для современников, равно и заслуги в русском просвещении (на поприще директора Императорской публичной библиотеки). Но что Грот особенно отмечает в личности Корфа, так это его неизменный интерес к русской литературе: ни одно произведение не ускользало от внимания Корфа, он всегда читал лучшие русские журналы; «успевал знакомиться и с любопытнейшими явлениями иностранных литератур». Грот выделяет в личности Корфа его сосредоточенность и внимание к деталям. Корф «находил досуг в продолжение нескольких десятилетий вести дневник». Корф, по высочайшему поручению, писал различные исторические труды, среди которых – биография М.М. Сперанского. Анализируя труд Корфа, Грот позволяет себе не согласиться с некоторыми положениями биографа, при этом книга «составляет одно из драгоценнейших приобретений русской литературы 60-х годов, не только по обилию и новости сведений, ею распространённых в обществе, но и как памятник нового духа, повеявшего на Россию с первых лет царствования Александра II». Грот убеждён: образ Корфа навсегда останется «в исторической галерее русских деятелей...».

В 1856 г. в «Речи при выпуске XXI-го курса Императорского Александровского Лицея» Грот обратился: «Отечеству нужны бескорыстные поборники правды, нужны мужественные воины на поле чести гражданской: становитесь же твёрдо в ряды тех воинов, под светлые знамена этой прекрасной борьбы: вам даровано государством образование для того, чтобы вы верой и правдой служили государству» [3, т. 5, с. 215]. Каждая речь академика Грота словно вдохновлялась образами первых воспитанников Лицея. Такой героической личностью для Грота был адмирал Ф.Ф. Матюшкин. Грот был знаком с Матюшкиным, дорожил общением с этим скромным и великим человеком.

В 1840 г. в «Современнике» Гротом было опубликовано «Путешествие Русского Флота лейтенанта фон Врангеля» (Отдельным изда-

нием вышло в 1841 г.: Врангель Ф., фон. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённое в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией, состоявшей под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. СПб.: Тип. А. Бородин и Ко, 1841). Оно было известно в Европе (Англии, Германии, Франции), а вот в России благодаря Гроту. В «Путешествии...» раскрывается природа севера, обычаи, характер и нравы якутов, тунгусов, чукчей, жителей Колымы. Сочинение представляет этнографическую и художественную ценность. Спутником лейтенанта Врангеля был мичман Матюшкин. Грот дорожил и той оценкой, какая была дана Матюшкину Пушкиным: «... С лицейского порога / Ты на корабль перешагнул шутя, / И с той поры в морях твоя дорога, / О, волн и бурь любимое дитя!» [6, V, 425]. Глазами Пушкина Грот смотрит на его однокурсников.

К 1841 г. Грот был уже обладателем ценнейшего рукописного наследия пушкинского Лицея. В 1833 г. в руки Грота попала лицейская тетрадь, её хранил «лицейский староста» М.Л. Яковлев, а передал Гроту барон Корф. Грот потрясён. Сколько таланта! С этого времени Грот собирает лицейский архив, прежде всего, самые разные документы, письма, автографы первых лицеистов, их изучает, комментирует, публикует. Его оценке подлежат и выходящие об истории Лицея сочинения И.Я. Селезнёва (1861), В.П. Гаевского (1863), П.В. Анненкова (1874).

Грот исследует автографы лицеистов. И это позволяет ему не соглашаться порою с положениями первых историков Лицея об авторстве лицейских текстов. Так, в одном из лицейских стихотворений преподаватель Лицея Карцов увековечен как «тучный» и «злоречивый». Историки Лицея закрепили авторство за Пушкиным. Грот оспаривает это утверждение, он анализирует почерк воспитанников – и аргументированно признаёт авторство за Илличевским. В заметках для комментария к сочинениям Пушкина Грот цитирует высказывание одного из

лицеистов, Анненков доказывал, что в нём Пушкин разумел самого себя («никто не приветствовал вдохновенного юношу (Дельвига. – А.Ш.), между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой мягкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены как некоторое чудо»). Грот принципиально не согласен: текст принадлежит руке Илличевского. Грот позволяет себе не согласиться с Анненковым и тогда, когда последний пишет о том, что занятия в Лицее проводились мрачно, некачественно. Грот признаёт, что формальная часть исполнялась плохо, но «зато бойко работали внутренние силы пружины, приводимые в движение духом времени, исключительными обстоятельствами и присутствием нескольких недюжинных личностей» [2, с. 35].

От Д.Н. Замятина, также бывшего лицеиста, Грот получает тетрадь лицейского времени. После её изучения Грот приходит к выводу, что написана она рукою Матюшкина, кроме последнего стихотворения, в котором Грот определил руку Илличевского, причём в последнее время его пребывания в Лицее. Относительно писем Илличевского за 1812 г. Грот замечает: они написаны нетвёрдым, почти детским почерком; с 1814 г. (за 1813 г. писем нет) почерк Илличевского похож на почерк Пушкина, так что трудно определить, кому принадлежит автограф. Грот предполагает: Илличевский старался подражать руке своего «учителя» – Пушкина. В бумагах Грота есть список имён русских писателей за 1841 г., составленный Плетнёвым, по нему последний преподавал цесаревичу Александру Николаевичу русскую литературу. С 1852 г. Грот был назначен преподавателем словесности к Великим князьям Николаю и Александру Александровичам. Грот расширил список Плетнёва именами литераторов, которые входили в окружение Пушкина, в этом списке значится и имя Илличевского. С уверенностью можно утверждать о том, что и цесаревич, и сам император были знакомы с творчеством поэтов пушкинского круга.

Письма Илличевского – особый предмет рассмотрения Грота. Грот не оставил об Илличевском отдельной работы, специального исследования, такой как, например, о Корфе, Малиновском, Вальховском, Матюшкине. Но постоянные обращения к письмам Илличевского, его отзывам рассыпаны почти в каждой работе Грота о Лицее, даже тогда, когда Грот создаёт портрет юного Пушкина. Грот публикует письма Илличевского, который во время своего обучения в Лицее переписывался со своим приятелем по гимназии – П.Н. Фуссом. Эти письма – ценнейший источник по истории быта и нравов первенцев Лицея, их литературных вкусов и симпатий.

Характеризуя лицейскую старину, Грот находит в ней достоинства, которым первые историки Лицея не придали значения. Так, Грот поддерживает само название «национальных песен» лицеистов. Грот приводит письмо Илличевского Фуссу, в котором лицеист сетует на графа С.С. Уварова, пригласившего из Вены Ф.М. Гауэншильда преподавать немецкую литературу на французском языке, и Грот поддерживает позицию юного лицеиста, что данное решение было «не во благо русскому юношеству». В другой работе Грот высказывает свою позицию относительно деятельности Уварова в Академии: Уваров, по глубокому убеждению Грота, покровительствовал немецкой науке в ущерб российской.

И хотя Грот заявил о том, что его исследование лицейского творчества воспитанников – это лишь заметки будущему пушкинисту, тем не менее, именно в работах Грота дана принципиальная научная методология, основанная, в первую очередь, на его текстологическом опыте.

Труды Грота имеют огромное значение для истории культуры всего XIX столетия. Они стали научно-практической базой для следующих поколений исследователей лицейской старины – Н.А. Гастфрейнда, Д.Ф. Кобеко и князя Олега Константиновича Романова, который продолжит дело Грота по изданию документов Лицея – рукописей Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грот К.Я. Пушкинский Лицей (1811-1817). Бумаги I курса, собранные академиком Я.К. Гротом. СПб.: «Академический проект», 1998. - 108 с.
2. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы Я. Грота. Изд. 2-е, доп., с приложением неизданного письма Пушкина / Под ред. проф. К.Я. Грота. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1899. - 316 с.
3. Грот Я.К. Труды Я.К. Грота: В 5 т. / Под ред. К.Я. Грота. - СПб., 1899-1903. Т. V: **Деятельность литературная, педагогическая и общественная.** Статьи, путевые впечатления, заметки, стихи и детское чтение (1837-1899). - СПб., 1903. - 628 с.
4. Цит. по: Добровольская Е. Кошанский Николай Федорович (1781-1831) // Царскосельская Газета №15 (9920) 14-20 апреля 2011 г.
5. Проект подготовительного учебного заведения разработан министром народного просвещения графом А.К. Разумовским в июле 1812 года, 27 января 1814 года состоялось торжественное его открытие. История Пансиона отражена в одной из первых книг о нем, См.: Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея. 1815-1829. - СПб. - 1869. Грот был убежден, что автором данного труда является серебряный выпускник 1825 года Н.С. Голицын.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.Д. Бонч-Бруевич, Г.О. Винокур, А.М. Деборин, П.И. Лебедев-Полянский, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский, Д.П. Якубович. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
7. Пущин И.И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Изд. 3-е., доп. - СПб., 1998.
8. Русская Старина, 1876. - Т. 15. - № 2.